

ЛОЖЬ ВО БЛАГО

ГОЛОВОЛОМКА

А.Р. ТОРРЕ

Триллер-головоломка

Алессандра Торре

Ложь во благо

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Торре А. Р.

Ложь во благо / А. Р. Торре — «Издательство АСТ»,
2021 — (Триллер-головоломка)

ISBN 978-5-17-146751-7

Шесть подростков убиты. Подозреваемый за решеткой. Отчаявшийся отец верит, что настоящий убийца все еще на свободе. В настолько запутанном деле правду очень легко скрыть. Психиатр доктор Гвен Мур – эксперт по убийцам. Она потратила десять лет на лечение самых извращенных преступников Калифорнии и раскрытие их мотивов. Таких хищников, как печально известный убийца «Кровавое сердце», чьей последней жертве удалось сбежать, а затем опознать местного школьного учителя Рэндалла Томпсона как своего похитителя. Дело против Томпсона закрыто, по крайней мере для Гвен и средств массовой информации. Но тут появляются новые улики...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-146751-7

© Торре А. Р., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

А.Р. Торре

Ложь во благо

*Посвящается Эве.
Я тебя люблю.*

© А.Р. Торре, 2021

© Яновская А., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Пристижная улица все еще хранила следы ужаса. На канарских пальмах было развешаны листовки с информацией о пропаже человека: выцветшие из-за погоды, со свернутыми от ветра и дождя уголками. На круговой подъездной дорожке перед поместьем из белого камня уже не было полицейских машин. Фургоны прессы и камеры медленно перешли к другим историям. Железные ворота, которые не пускали внутрь желающих посочувствовать посторонних, были закрыты. Тяжесть тишины висела в солнечном воздухе Лос-Анджелеса.

Скотт Харден проковылял по обрамленному пальмами тротуару к воротам. Когда он двинулся, дом качался перед ним, а вид расплывался из-за пота, жгущего уголки глаз. Его поло с монограммой, запятнанное за недели носки, прилипло к спине, а запястья обвивали синяки и ссадины, оставшиеся от жесткой веревки. Он ускорился, по мере приближения к дому переходя на беге и остановился у панели безопасности на воротах. Из пореза на груди сочилась кровь.

Он вбил код на клавиатуре, оставляя кровавые отпечатки. Ворота звякнули и с жужжаньем открылись.

* * *

Нита Харден стояла перед зеркалом в ванной, пытаясь найти энергию и мотивацию, чтобы взять зубную щетку. Полочка, когда-то заставленная духами и дорогой косметикой, пустовала. У светлых локонов, всегда безупречных благодаря еженедельным визитам в салон, теперь были полдюйма отросших темно-седых корней. В черном костюме для йоги, висевшем на ней, она ничем не напоминала собранную светскую даму, вырвавшую себе место в верхнем эшелоне общества Беверли-Хиллз. Разве плохой запах изо рта имел значение, когда твой сын пропал без вести? Имело ли значение хоть что-нибудь, когда каждый день казался просто ужасающей игрой в ожидание, пока кто-нибудь обнаружит его тело?

Убийца, прозванный Кровавым Сердцем, действовал безотказно. Он похищал красивых, популярных мальчиков-подростков, таких, как ее Скотт.

Он держал каждого мальчика в плену месяц или два, душил, уродовал тела, а потом выбрасывал трупы как мешки с мусором. До Скотта он похитил шестерых: было найдено шесть обнаженных тел с сердцем, вырезанным на груди. Прошло почти семь недель с тех пор, как Скотт пропал. Его тело могли обнаружить в любой день, и тогда ее позовут в морг на опознание сына.

Прозвучал сигнал системы безопасности, и она оторвала взгляд от зубной щетки, прислушиваясь к мелодии, установленной на воротах. Когда они строили дом, каждый выбрал для себя уникальный код и сигнал к воротам. Когда она подъезжала к воротам на своем «Ягуаре» и нажимала на кнопку пульта или вбивала личный код, звучал мягкий перезвон колокольчиков. Сигналом ее мужа был гимн УКЛА. А Скотт выбрал простую трель... Ее зубная щетка со стуком упала в раковину, когда в большой ванной послышалась мелодия Скотта.

Ее сердце пронзила резкая боль, и она издала болезненный вопль, услышав знакомый звонок, мгновенно напомнивший о его широкой улыбке, которую она годами воспринимала как данность. Скотт всегда врывался с рюкзаком, закинутым на плечо, и направлялся напрямик к еде. Она подошла к большому окну в углу ванной и выглянула во двор, ожидая увидеть машину одного из его друзей или фургон их уборщиков или садовников, ведь Скотт мог сканать свой код любому из них. Сквозь заросли ей так и не удалось увидеть автомобиль, поэтому она прижала руку к стеклу, прикрывая глаза, и попыталась разглядеть ворота.

По дорожке, усыпанной раскрошенными ракушками, с трудом продвигался человек, который немного волочил за собой ногу, оставляющую длинный след позади. У нее болезненно перехватило дыхание при виде знакомого серого поло, идентичного дюжинам тех, что все еще висели в шкафу сына. Лица не было видно, потому что он смотрел вперед, но она мгновенно узнала эту фигуру. Резко обернувшись, она споткнулась о медную когтистую лапу ванной и упала на одно колено. Всклипнув от переполнявших ее эмоций и боли, она вскочила на ноги и бросилась в спальню через арочный проем. Несясь в холл, она столкнулась с горничной, когда поворачивала к лестнице, и ринулась вниз по ступенькам, крепко держась за перила, потому что ее глаза застилала слезы.

– Джордж! – закричала она, поворачивая голову к кабинету мужа, где он часто работал из дома. – Джордж! – не останавливаясь проверить, дома ли он и слышал ли ее, она дернула тяжелую бронзовую ручку входной двери и приоткрыла ее достаточно, чтобы протиснуться наружу.

Она счесывала босые ступни о раскрошенные ракушки, но не обращала внимания на боль, несясь по дорожке и выкрикивая имя сына.

Скотт поднял голову и дергано остановился, выглядя изможденным, когда его губы дрожа сложились в улыбку. Он медленно поднял руки, и она бросилась в них.

Невероятным образом ее сын вернулся домой.

Глава 2

Слушая голосовое сообщение от Джона Эбботта, я задумалась, убьет ли он в этот день свою жену.

– Доктор Мур, – неровно, взволнованно прохрипел он. – Перезвоните мне. Она уйдет от меня к нему. Я знаю. Это случится.

Джон – который всегда приходил за пять минут до начала наших консультаций в выглаженных вещах и безупречно опрятный, который выписывал мне чеки до боли аккуратными печатными буквами, – звучал так, будто разваливался на куски. Я дослушала сообщение до конца, а потом нажала на экран, включая его заново.

Вздыхнув, я перезвонила ему. За год наших психиатрических консультаций я определила, что Джон страдает патологической ревностью. Первые два месяца мы фокусировались на его жене и ее предполагаемой увлеченности садовником. Джон противился поведенческой терапии и решительно отказывался принимать фенотеазины. После недель настоятельных призывов он прислушался к моему совету и уволил садовника, что разрешило ситуацию. Теперь он нашел новый источник беспокойства – их соседа. Его подозрения казались необоснованными, что нельзя было бы назвать поводом для беспокойства, если бы он, помимо этого, не испытывал нарастающего побуждения убить жену.

Ожидая ответа, я открыла холодильник и достала литр молока. Был ли Джон Эбботт на самом деле способен убить свою жену – спорный вопрос, но все же тот факт, что он почти год обдумывал это, был серьезным тому подтверждением.

Он не ответил, поэтому я сбросила звонок и положила телефон на столешницу. Я налила стакан молока, а затем отодвинула жесткий тюль и выглянула в окно над раковиной. Сквозь тонкий слой пылицы я увидела, как моя кошка топчется по отполированному красному капоту кабриолета. Я попыталась привлечь ее внимание, постучав по стеклу.

– Эй!

Клементина меня проигнорировала. Я одним глотком допила молоко и сильнее постучала в окно. Никакой реакции.

Сполоснув стакан, я поставила его на верхнюю полку посудомойной машины и взглянула на телефон. Это был первый раз, когда Джон Эбботт позвонил мне на мобильный. В отличие от Рика Бикона, не способного даже договориться о встрече без моего одобрения, Джон был из тех клиентов, которые воспринимают просьбу о помощи как признак слабости и несостоятельности. Для него оставить голосовое сообщение во вторник утром было серьезным шагом. Может, он подловил Брук? Или же его паранойя и ревность достигли пика?

Она уйдет от меня к нему. Я знаю. Это случится.

Для мужчины вроде Джона утрата могла стать концепцией, способной сломать его мир, особенно когда он был всецело сфокусирован на жене, которую воспринимал искаженно. Эта сфокусированность переросла в одержимость, пронизанную нитью жестокости, граничащей с маниакальностью.

Я снова позвонила ему, и моя обеспокоенность возрастала с каждым безответным гудком. В моей голове возникли непрошенные предположения. Фармацевт с безупречным почерком и двумя пропущенными консультациями в этом месяце, стоящий с окровавленным ножом в руке над своей женой.

Нет, исправила я себя. Не ножом. Не с Брук. Это было бы что-то другое. Что-то менее очевидное. Яд. Это была его последняя фантазия.

Я взглянула на часы микроволновки. Он звонил мне больше двух часов назад. За два часа могло произойти все что угодно. Это моя расплата за позднее пробуждение. «Эмбиен», в три часа ночи показавшийся мне отличной идеей, стоил мне этого пропущенного звонка.

Еще один звонок, сказала я себе. Я собиралась немного подождать, а потом позвонить еще раз и заняться другими делами. Одержимость, как я часто напоминала своим клиентам, никогда не влияла на внешние ситуации. Она только усугубляла внутренние переживания, а с ними и все вытекающие действия и решения.

Я поджарила тост и съела его, медленно и сосредоточенно жуя, пока сидела в столовой и смотрела на телефоне серию «Сайнфелда». Протерев столешницы, вернув хлеб в пакет и помыв руки, я позвонила ему снова.

Он проигнорировал мой звонок, как и в первые два раза.

* * *

В девять сорок пять, когда я направилась в офис на первую консультацию, Джон Эбботт не появился на свою смену в аптеке «Брейерс».

Все мгновенно забеспокоились. Этот человек был тираном в отношении пунктуальности настолько, что двое младших фармацевтов уволились в слезах, подвергнувшись его длинным и почти жестоким выговорам об учете времени. Когда его опоздание затянулось до десяти тридцати, а потом одиннадцати, и звонки на его мобильный остались без ответа, трое работников за медицинскими стойками посоветовались о дальнейшем плане действий. Очередь покупателей, тянувшаяся дальше секции со взрослыми подгузниками, теперь достигла отдела травяных лекарств. Стоявший спереди мужчина с кустистыми белыми усами и в ковбойской шляпе прочистил горло.

Было принято решение найти на Facebook его жену и отправить ей сообщение. После этого они подождали еще пятнадцать минут, а потом отправили самого младшего и незначительного работника к нему домой.

Джоэлу Бленкеру был двадцать один год, он приехал из Литл-Рок в Арканзасе и работал стажером в аптеке. Ему нравились «Подземелья и драконы», латинские девушки и куриное филе в кляре с большим количеством кетчупа. Пока я слушала, как Фил Анкерли рассуждал о документальном фильме о Теде Банди, Джоэл припарковался у дома Эбботтов и написал младшему фармацевту о том, что машина Джона была на месте, припаркованная на дорожке за белым седаном. У Джоэла были простые указания: позвонить в дверь, спросить у Джона, придет ли он на работу. Пригнуться и бежать в укрытие, если он начнет кричать.

Джоэл начал с входной двери белого одноэтажного дома, чувствуя, как вспотели его подмышки от жары Лос-Анджелеса, пока прислушивался к эху звонка в доме. После второй попытки, не услышав никакого движения в доме, он обошел его сбоку. Легонько постучав в боковую дверь, он подождал, а потом приложил согнутые ладони к стеклу, заслоняя свет, и заглянул внутрь.

При виде крови и тела он отшатнулся, зацепившись туфлей за бордюр. Его телефон проскользил по земле и остановился у колонны. Он прополз по аккуратно подметенной поверхности и взял телефон. Игнорируя новую сетку трещин на дисплее, он разблокировал его и ввел 9-1-1.

* * *

После моей второй консультации я заехала в тренажерный зал на Пятьдесят пятой Авеню. Мое беспокойство о голосовом сообщении Джона Эбботта развеялось, когда я переоделась в свою спортивную форму и забралась на беговую дорожку. Я увеличила скорость и оглядела ряд телевизоров, остановившись на том, что показывал лицо телеведущей и слова «**КРОВАВОЕ СЕРДЦЕ**» у нее под подбородком. Пустившись бежать умеренной трусцой, я не сводила глаз с экрана, пытаясь понять тему пресс-конференции. Камера переместилась на

красивого подростка в застегнутой доверху рубашке и хаки возле своей матери, который робко улыбался, пока она обнимала его за талию.

«...благодарны, что он дома. Пожалуйста, дайте нам возможность побыть наедине с нашим сыном...»

Я ткнула кнопку «Стоп» на беговой дорожке и схватила свой телефон. Несмотря на остановку движения, мое сердцебиение ускорилося. Неужели последняя жертва Кровавого Сердца сбежала? Последние три года я вместе с другими жителями города неотрывно следила за новостями о каждом трагическом деле от исчезновения до смерти. Казалось невозможным, что жертва сбежала, да еще здоровой. В это время обычно обнаруживали обнаженное тело жертвы с отрезанным пенисом, выброшенное с такой же небрежностью, как окурки.

Убийца был уникальным, действовал точно и доказал свою искусность на предыдущих шести жертвах. Меня поразило, что он мог проявить небрежность, позволившую жертве улизнуть. Может, это дело рук подражателя? Обман? Или момент слабости в стратегии и исполнении? Я разблокировала телефон и искала последние новостные статьи, а потом снова взглянула на беззвучный телевизор.

«...высвободился от Кровавого Сердца и пробежал несколько миль, отыскав дорогу домой...»

Вот оно. Подтверждение черным по белому. Как Скотту Хардену удалось сбежать? Я сошла с тренажера, поспешила через людную зону для кардио и выбралась на лестницу, сбегая на первый этаж по широким ступенькам. Когда я добралась до последней, дисплей моего телефона изменился и в наушниках раздался рингтон звонка. Мне звонили из офиса, поэтому я вставила второй наушник и ответила:

– Алло?

– Доктор Мур? – приглушенным голосом спросил Джейкоб. Я представила его за столом в приемной, со сползающими очками в проволочной оправе и каплей пота, стекшей до середины лба, усыпанного шрамами от акне.

– Привет, Джейкоб, – я толкнула дверь женской раздевалки и взяла верхнее в стопке пушистое полотенце с монограммой.

– К вам пришел детектив. Тед Сакс. Он сказал, дело срочное.

Я протиснулась мимо кучки разодетых в неоновые цвета любительниц йоги и нашла свой шкафчик.

– Он сказал, в чем дело?

– Он мне не говорит и отказывается уходить.

Черт. Прошло почти шесть часов с момента, как Джон Эбботт оставил мне сообщение, и я так и не получила от него ответа. Случилось ли что-то? Или этот визит касается кого-то другого из моих клиентов?

– Я сейчас вернусь, – я прижала телефон плечом, стаскивая шорты для бега. – А, и Джейкоб?

– Да?

– Не пускай его в мой кабинет. И не говори ему ничего. Неважно, о чем он спросит.

Наш администратор, работавший на полставки, настраивавший пианино и обедавший желейными конфетами в форме акул, не колебался:

– Будет сделано.

– Спасибо, – я завершила звонок, стоя со спущенными до лодыжек красными хлопковыми стрингами у всех на виду. Пролистав до сообщения Джона, я быстро удалила запись, потом открыла папку с удаленными голосовыми и убрала его оттуда.

Это действие было инстинктивным. Мои знания психиатрии обвинили бы в этом мое детство, когда я заметала следы и прятала все, что подтолкнуло бы мать-алкоголичку к ярости. Но здесь ставки были выше – пощечина от агрессивной домохозяйки была бы меньшей из

проблем. Последствия того, что Джон Эбботт навредил своей жене – если дело было в этом, – были бы гораздо хуже. Потенциальное расследование моей практики. Проверка медицинским комитетом. Внимание прессы на мне и моих клиентах – клиентах, которые требовали полной конфиденциальности.

Все-таки я лечила не трудоголиков с низкой самооценкой. Я специализировалась на убийцах. Извращенных, нестабильных убийцах.

Положив телефон на скамью, я выбралась из шорт и покрутила замок, вводя комбинацию. Хотелось поскрее вернуться в офис и покончить с этим.

* * *

Детектив Тед Сакс оказался высоким мужчиной в дешевом сером костюме с бейджем, висящим на шее. Я отперла свой кабинет и жестом пригласила его к паре мягких зеленых стульев, обращенных к столу.

– Пожалуйста, присаживайтесь.

То ли назло, то ли из упрямства он остался стоять. Я обошла стол и уронила сумку в боковой ящик, прежде чем погрузиться в кожаное кресло на колесиках.

– Чем я могу вам помочь?

Наклонившись вперед, он поставил пакет для улик на чистую деревянную поверхность. Я подняла прозрачный полиэтилен и оглядела предмет внутри.

Это была одна из моих визиток: в сдержанном стиле, с напечатанным именем, титулом доктора и номером телефона офиса. На обороте был от руки написан мой личный номер. Я снова взглянула на него.

– Где вы это нашли?

– В кошельке Джона Эбботта, – он снял очки-авиаторы с лысой головы и продел их через воротник рубашки. Этот парень был совершенно обычным. Худой и строгий, с угольно-черной кожей и недоверчивым, хмурым лицом. – Вы знали мистера Эбботта?

Витающее беспокойство, что Джон Эбботт что-то натворит, преобразилось в тревогу. Что он сделал? Опустив пакет для улик, я кашлянула, лихорадочно обдумывая возможные варианты.

– Да. Он мой клиент.

«Этические принципы психологов и Кодекс поведения» Американской психологической ассоциации твердо стояли на положенной клиентам конфиденциальности. Также было ясно прописано, что эту конфиденциальность можно нарушить, если я считаю, что мой клиент представляет угрозу для себя или других.

Предыдущие консультации Джона Эбботта, на которых он описывал свою борьбу с желанием навредить жене, технически были в зоне того, о чем нужно сообщать. Его утреннее голо-совое сообщение могло классифицироваться как тревожный инцидент, требующий вмешательства полиции.

Но это было всего лишь сообщение. Неуверенный в себе мужчина, говорящий то же самое, что и весь предыдущий год на консультациях. То, что он забавлялся с идеей убить Брук, не означало, что он когда-либо это сделает, и если бы я звонила в полицию каждый раз, когда кто-то из моих пациентов подумывал кого-то убить, я бы отправила в тюрьму много невиновных людей, и на этом мой список клиентов закончился бы.

Правда в том, что желание кому-то навредить или убить является обычной частью ментального цирка человека. Хоть среди нас есть некоторые высокоморальные святые, никогда никому не желавшие зла, двадцать процентов общества взвешивали «за» и «против» убийства в какой-то момент своей жизни.

У пяти процентов было достаточно моральной гибкости, чтобы воплотить эту возможность в действительности.

Десятая часть процента одержима этим, и самые благонастроенные из них ищут психиатрической помощи в управлении этой фиксации. Мои клиенты были лучшими из худших, поэтому я твердо ощущала обязанность защитить их, работая с их самыми честными признаниями.

В конце концов их мысли не были действиями. Люди не умирали от мысленной деятельности. Но если эти мысли превращались в действия... это было обратной стороной медали игры, в которую я ежедневно играла со своими клиентами.

Теперь, когда напротив меня сидел детектив, все казалось ясным как день. В этой игре – игре Джона Эбботта – я проиграла, недооценив риски.

Сакс кашлянул:

– Джон Эбботт этим утром не вышел на работу. Его сотрудники забеспокоились, поэтому один из них поехал к нему домой, чтобы проверить, все ли в порядке. Это он вызвал полицию.

Я приложила ладонь к груди, потирая мягкий шелк блузы и желая, чтобы сердце перестало колотиться так быстро. Я собиралась спросить, арестовали ли они Джона, когда детектив продолжил:

– Оба тела нашли на кухонном полу. Работник аптеки увидел тело мистера Эбботта, заглянув в окно.

Мысли застыли. *Тела? Тело мистера Эбботта?*

– Похоже, Брук Эбботт умерла от сердечного приступа во время завтрака. Мы нашли ее мужа рядом. По всей видимости, самоубийство.

– Что? – нахмурилась я. – Вы уверены?

– Ранение ножом в живот. Угол нанесения удара и ситуация позволяют предположить, что он был нанесен им самим.

Я попыталась не представлять Брук Эбботт, с которой я неожиданно столкнулась в продуктовом магазине в прошлом месяце. Симпатичная женщина. Добрые глаза. Дружелюбная улыбка. Она тепло меня поприветствовала, даже не подозревая о дюжинах разговоров между мной и ее мужем о том, почему убивать ее – плохая идея.

Год консультаций, и Брук Эбботт умерла от сердечного приступа в течение часа после его звонка мне? Я в это не верила.

– От чего вы лечили Джона?

Я цокнула языком.

– Это конфиденциальная информация, детектив.

– Ой, бросьте, – насмешливо сказал он. – Пациент мертв.

– Достаньте ордер, – сказала я. – Послушайте, мне жаль, но я связана этическим кодексом.

– И я уверен, что вы растягиваете границы этого кодекса, – он фыркнул. – Все мы знаем, на чем вы специализируетесь, доктор Мур, – он наконец-то сел. Какая неудача, ведь я уже приготовилась к его уходу. – Док смерти? Разве не так вас называют?

Я вздохнула, услышав прозвище.

– Я специализируюсь на склонности к насилию и одержимости, но это не единственные расстройства, которые я лечу. Многие мои клиенты являются абсолютно нормальными и приятными людьми, – ложь слетела с языка легко. У меня не было нормальных клиентов в последние десять лет.

– Убийцы, – он снова фыркнул. – Вы лечите убийц. Нынешних, будущих и прошлых. Вам придется простить меня, док. Я называю вещи своими именами.

– Что ж, как я уже сказала, я не могу обсуждать мистера Эбботта.

– Когда вы в последний раз с ним говорили?

Начиналось хождение вокруг да около. Я осторожно подбирала слова, понимая, что они, вероятно, уже знали о его звонках.

– Наша последняя консультация была две недели назад. Он отменил встречу, запланированную на эту неделю. И он звонил мне этим утром. Я пропустила его звонок и перезвонила ему через несколько часов, но он не ответил.

Сакса, похоже, не удивила эта информация; это значило, что у них уже был список его недавних звонков. Слава богу, я не оставила голосовое сообщение.

– Что он сказал, когда звонил вам?

– Просто попросил перезвонить.

– Я хотел бы услышать это сообщение.

– Я его удалила, – вздохнула я. – Извините, я не придала ему значения.

Он кивнул, как будто принял мои слова к сведению, но только в том случае, если он верил в сердечный приступ и самоубийство.

– Тот номер на вашей визитке, это по нему он позвонил?

– Да, по номеру на оборотной стороне. Это мой мобильный.

– Вы всем своим клиентам даете номер мобильного? – он нахмурился. – Даже опасным?

– Это номер телефона, – я откинулась на спинку кресла. – Это не мой домашний адрес или код от входной двери. Если они этим злоупотребляют, я прекращаю с ними работать. Если мне нужно сменить номер, я его сменю. Невелика беда.

– Как человек, видящий трупы каждый день, должен сказать, док – не думаю, что вы достаточно серьезно относитесь к своей безопасности. Вы привлекательная женщина. Один из этих чокнутых вдруг станет одержим вами, и у вас появится серьезная проблема.

– Я ценю ваш совет, – я натянуто улыбнулась. – Но они не чокнутые. Они нормальные люди, детектив. Некоторые люди страдают от депрессии, некоторые – от тяги к насилию. Если бы мои клиенты не заботились о защите окружающих, они не оказались бы в моем кабинете.

– Поэтому Джон Эбботт ходил к вам? Он не хотел навредить людям?

Я сохранила доброжелательное выражение лица.

– Как я уже говорила, я лечу клиентов по разным причинам. Некоторым просто нужно с кем-то поговорить. Если хотите узнать больше, мне нужен ордер.

– Эй, мне стоило попытаться, – сказал он, побежденно поднимая руки. Взглянув в сторону окна, он несколько мгновений изучал пейзажи парка. – Есть причины подозревать, что это не самоубийство?

Он сомневался не в той смерти.

– Если исходить из того, что я знаю, то нет.

– Вы бы поклялись в этом под присягой?

– Однозначно, – *пожалуйста, только не спрашивайте о Брук.*

Он медленно кивнул:

– Я свяжусь с вами, если возникнут еще вопросы, доктор Мур, – он встал, оттолкнувшись от подлокотников. – Спасибо, что уделите мне время.

Я провела его в приемную и ободряюще улыбнулась Джейкобу, с интересом наблюдавшему за нами. Вернувшись в кабинет, я закрыла дверь и прерывисто выдохнула.

Шансы, что это моя вина, были крайне высоки. У меня имелась одна задача, и я эпически провалилась не только с Брук, но и с Джоном. Из-за этого двое людей были мертвы.

Глава 3

– Это не твоя вина, – Беверли прищурилась на меня поверх сэндвича с тунцом, набитого брюссельской капустой. – Скажи мне, что ты об этом знаешь.

– Хотя я ценю твою эмоциональную поддержку, ты ошибаешься, – я проткнула вилкой кусочек дыни и прошутто. – Он пришел ко мне на лечение, потому что хотел убить свою жену. Он убил свою жену. Он убил себя. Если бы я правильно выполнила свою работу, они оба были бы живы.

– Так, во-первых, у тебя нет доказательств, что он убил свою жену, – проговорила она с набитым ртом, подняв палец, как делала всегда, когда начала меня переубеждать. – У нее случился сердечный приступ.

– Сердечный приступ можно спровоцировать, – я отложила вилку. – Он работал фармацевтом. Поверь мне.

– Тогда позвони детективу. Пусть он проведет токсикологический анализ, – она подождала, держа сэндвич у рта.

– Ты знаешь, что я не могу этого сделать, – буркнула я, понижая голос и оглядывая людное центральное кафе.

– Ты *можешь* это сделать, – возразила она. – Ты просто не хочешь. Потому что я могу оказаться правой, а тогда тебе придется осознать эту навязанную самой себе вину и продолжать жить счастливо и продуктивно.

Вот поэтому мне не стоило дружить с другим психиатром. Мы не могли просто пообедать, не анализируя друг друга.

Я поразглядывала тисненый узор по краю тарелки.

– Мне *не стоит* этого делать, – исправилась я, – по нескольким причинам.

Я могла потратить все обеденное время, перечисляя, почему это звонок был ужасной идеей. Если я ошибалась и смерть Брук была естественной, я стала бы посмешищем, попытавшимся запятнать имя клиента. Если я была права и мой клиент действительно убил свою жену, я бы оказалась под микроскопом, мне бы пришлось отдать его дело, и ради чего? Ради правосудия над человеком, которому уже зачитали смертный приговор? Это пустая трата государственных ресурсов и времени.

Беверли отпила глоток травяного чая и пожала плечами.

– Как хочешь. Копай себе мысленную могилу. Ты звонила парню, которого я тебе посоветовала? Разнорабочему?

– Я *не* звонила разнорабочему, – я оторвала кусочек хлеба. – Я ценю сватовство, но у меня уже есть мужчина, так что еще один мне не нужен.

– Пачка спонжей «Мистер Чистюля» не считается, – она хмуро взглянула на меня и убрала кусочек капусты с блузки.

– Ну, что ж. Это первый мужчина в моем доме, если не считать моего брата, за... – я прищурилась и провела угнетающие подсчеты. – Восемнадцать месяцев? Так что я считаю это шагом в правильном направлении.

– Еще одна причина позвонить Миммо. Ты когда-то была с итальянцем? – она тихо присвистнула. – Дорогая. Это духовный опыт. К тому же он просто милашка.

– Ты уже говорила, – я положила кусочек холодной дыни в рот.

– А ты слышала? – оживилась она, забыв о своем разнорабочем. – Поймали Кровавое Сердце.

Я совсем забыла о нем из-за новостей о смерти Джона Эбботта.

– Я пропустила всю историю. Что случилось? – я отпила воды со льдом. – Парень сбежал?

– Верно. Старшеклассник из Беверли-Хиллз, который пропал семь недель назад. Он... – она сделала глоток чая, замерла, потом закашлялась, поднесла кулак ко рту. – Извини.

– Жертва Кровавого Сердца, – напомнила я.

– Ах, да. Так вот, он сбежал от него и вернулся в свое поместье в Беверли-Хиллз, где его родители были вне себя от счастья, блудный сын вернулся, бла-бла-бла, и позвонили в полицию. Оказывается, парень знал, кто убийца, – она указала на меня пальцем. – Представь, это учитель из старшей школы Беверли.

– Вау, – я наклонилась ближе. – Что о нем известно?

– Одиночка. Никогда не был женат. Выглядит безобидно, как Санта-Клаус из торгового центра. Выиграл «Учитель года» десяток лет назад.

– Это интересно, – я обдумала полученную информацию. – Хотела бы я знать, почему он только сейчас нацелился на ученика из Беверли. Обычно первой жертвой становится тот, кто в легкой доступности.

– Убийцы – это по твоей части, – пожала она плечами. – Меня вполне устраивает оставаться на светлой стороне наедине с жаждущими оргазма домохозяйками.

– Кстати говоря... – я взглянула на часы. – У меня консультация через сорок пять минут, так что мне нужно заканчивать.

– Ага, мне все равно нужно забежать в химчистку, – она приподняла руку, привлекая внимание официанта, который выудил книжечку со счетом из кармана фартука и положил на стол.

– Я заплачу, – я потянулась за счетом. – Спасибо за сеанс терапии.

Положив несколько банкнот на стол, я сделала глоток воды напоследок и встала. Мне следовало поторопиться. Тяготевшая к убийству женщина, вероятно, уже сидела в приемной, в ожидании постукивая четырехдюймовыми шпильками.

Глава 4

– Знаете, большинство убийц начинают с близкого родственника или друга.

Этот факт был озвучен Лилой Грант, одетой в ярко-желтое платье и белый кардиган, дизайнерская сумочка которой была зажата между бирюзовыми туфлями на каблуках. Первые тридцать минут нашей консультации она жаловалась на мужа, с энтузиазмом болтала о добавлении ассортимента салатов в меню загородного клуба и показывала фото двух вариантов шезлонгов для веранды. Когда мы сделали мучительный выбор в пользу бело-зеленого бамбукового шезлонга, мы наконец-то добрались до причины ее визитов ко мне: насильственных фантазий о сестре мужа.

– Да, я знаю об этой статистике, – я нарисовала маленькую линию розочек вдоль верха страницы блокнота и мысленно сделала заметку заказать венки на похороны Джона и Брук.

– Проблема в том, что она так близко живет. Он захочет встретить Рождество у нее дома, а что я могу сказать? У меня нет хорошего оправдания. Дом Сары больше нашего, ее дети не видели его несколько месяцев, и она делает какой-то лимонный пирог, о котором он вечно не задыхается. Я имею в виду, это лимонный пирог. Насколько потрясающим он должен быть?

– Я не люблю пироги, – пожала плечами я.

– Ну, пирог – это пирог. Я сказала ему об этом, а он обиделся. Я испекла сотню пирогов, и он никогда не восторгался ни одним из них, скажу я вам. Это я должна обижаться. Честно сказать, Гвен, не думаю, что смогу усидеть за ее столом, следя за тем, как она заявляется с десертом, и не сорваться. Вы понимаете, сколько ножей будет на том столе? – она обеспокоенно втянула щеки, отчего ее накачанные губы еще сильнее раздулись. Ее лоб, вопреки всем законам природы, остался идеально гладким.

– Вы не пырнете ее ножом, – сухо сказала я.

– Думаю, я это и сделаю. Вы не знаете, сколько раз я рисовала эту картину у себя в голове, – ее лицо озаряло почти мечтательное спокойствие, пока она прокручивала в мыслях кровопролитие. Она распахнула глаза. – Разве вы не можете дать мне справку? Что-нибудь, что избавит меня от этого?

– До Рождества два месяца, – заметила я. – Давайте разбираться с проблемами постепенно, – я перевела разговор в другое русло. – Я бы хотела, чтобы вы рассказали мне о Саре что-то хорошее.

– Что вы имеете в виду?

– Поделитесь чем-то, что вам в ней нравится. Какой-то чертой, искупающей недостатки.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшую. Я терпеливо ждала, сложив руки на блокноте. Лила не была убийцей, хоть ей однозначно этого хотелось. Ей было скучно, она смотрела слишком много документальных фильмов о женщинах-убийцах по телевизору и ненавидела сестру мужа. Кто из нас не ненавидел хоть кого-нибудь? У меня был список по меньшей мере из трех людей, без которых я предпочла бы обойтись. Схватила бы я нож для индейки и воткнула его в чью-то шею? Нет. Но Лила бы тоже этого не сделала. Лиле просто нравилось казаться интересной, и мысль о том, что у нее была секретная и глубинная тяга к убийству, являлась фантазией, которую она лелеяла с маниакальным упорством.

– Я дам вам домашнее задание, – я взяла ручку. – К консультации на следующей неделе придумайте три вещи, которые вам нравятся или восхищают в Саре, – я подняла руку, останавливая возражения. – Не говорите, что не сможете придумать три вещи. Сделайте домашнее задание или отложите нашу следующую встречу до тех пор, пока не придумаете.

Она скривила губы, накрашенные арбузного цвета помадой. Я ободряюще улыбнулась и встала.

– Думаю, мы сегодня хорошо продвинулись.

Она наклонилась и взялась за ручки брендовой сумки.

– Мне не нравится это домашнее задание.

Я подавила смех, а потом подбросила эмоциональный костыль:

– Если мы собираемся сдерживать ваши импульсы, нам нужно натренировать ваш мозг смотреть на Сару по-другому. Поверьте мне, это важно для вашего лечения, – *И вашего брака*, молча добавила я.

– Ладно, – она со вздохом встала. – Спасибо, док.

– Конечно, – я встала и проглотила новый, не знакомый мне прилив неуверенности, разливающийся в груди. Я ошиблась, думая, что Брук Эбботт была в безопасности со своим мужем.

Может, я промахнулась и с Лилой Грант?

Глава 5

Я стояла среди моря незнакомцев в черных костюмах и слушала, как все говорили о Джоне так, словно он был святым.

– Был канун Рождества, и он пришел в аптеку только ради меня. Кто-то украл мою сумку в тренажерном зале, и мне нужны были лекарства для сердца. . . – пожилая женщина приложила руку к большой груди, прямо возле золотой броши в виде бабочки.

О, благословенны Джон и его спасительные сердечные препараты. Честно, больше всего нужно переживать за самых милых людей. Эда Гейна, убийцу, прославившегося тем, что создавал костюмы из кожи женщин, описывали как самого приятного человека в городе. Доктор Гарольд Шипман, убивший две сотни пациентов, наносил домашние визиты и был очень мягким и обходительным. Частью игры для многих убийц является иллюзия невинности, укрытие монстра, успешный обман, доказывающий, что они умнее, а значит, выше других.

– В дождливые дни Джон приносил мне газету. Говорил, что беспокоился, что я буду идти по дорожке без трости. . . – приглушенным голосом говорил молодой мужчина со скобами на ногах, и я обошла группу, направляясь к столу с кофе.

– Их любовь было видно со стороны. Знаете, в этом году они отпраздновали бы пятнадцатую годовщину. . . – еще одно тесное скопление скорбящих, на этот раз возглавляемое женщиной с короткими волосами ярко-пурпурного цвета.

Конечно, пятнадцать лет он придирчиво за ней наблюдал. Ревновал из-за безобидных разговоров и дружеских связей. За год мне едва ли удалось понять, откуда взялись неуверенность Джона и его стремление к контролю, но они, похоже, крутились вокруг поведения Брук.

Они были женаты пятнадцать лет, но сложная смесь эмоций Джона, испытываемых к жене, возросла до насильственных наклонностей только в последний год. Изначально он обратился ко мне, когда ссора между ними окончилась тем, что он душил ее до тех пор, пока она не потеряла сознание. Это дало ему прилив сексуальных эндорфинов, а ее заставило эмоционально отдалиться. . . подобно ребенку, убегающего от большой собаки. Уши наострены, хвост подергивается, время погони.

Может, Джон приносил газеты соседям с ограниченными возможностями и открывал аптеку в выходные, чтобы продать сердечные препараты, но он также определил сочетания лекарств, способные убить его жену, и подумывал запереть ее в багажнике автомобиля в летний день, чтобы «преподать урок» о верности и доверии.

За исключением первого инцидента с удушением, все остальное осталось фантазиями, которые мы контролировали с помощью регулярных консультаций и рецептурных препаратов, прием которых он часто пропускал или вовсе игнорировал.

Я остановилась в хвосте длинной очереди приносящих соболезнования. Перед нами стояли трое родственников. Я наблюдала за их лицами, пока очередь продвигалась вперед, гадая, знал ли кто-то о монстре, прятавшемся в Джоне.

«Лучше было бы ее задушить. Я имею в виду, чтобы мне стало хорошо. Мне понравилось бы смотреть ей в глаза. Представлять, как поменялось бы ее лицо в осознании. В противном случае, вероятно, она отвлеклась бы от боли».

Последние четыре дня я заново обдумывала наши консультации. Каждую ночь я слушала записи встреч, фокусируясь на восторженных нотках в его голосе, когда он описывал разные способы, которыми он причинил бы ей боль. Прорабатывая Джона, я поняла, что было слишком много нехороших знаков, и напряжение постепенно нарастало от первого визита к последнему. Я слышала это и делала записи, и все же была достаточно глупа, чтобы поверить, что смогу сдержать его силой наставлений. Мое эго, вот что ее убило.

Я остановилась перед сестрой Джона, у которой тушь была размазана по щекам.

– Соболезную вашей утрате, – я ступила в сторону и повторила привычную фразу для его брата. Они оба были худыми и смахивали на книжных червей – яркий контраст с внушительной фигурой Джона.

– Миссис Калдвелл, – я кивнула сгорбившейся матери Брук. Ее бесцветное лицо было иссечено глубокими морщинами скорби.

Я это сделала. Из-за меня у нее больше нет дочери.

Я могла нарушить кодекс молчания докторов, если верила, что мой пациент представляет непосредственную опасность для себя и окружающих.

Я могла обратиться в полицию. Поделиться всем, что рассказал мне Джон.

А что потом? Они бы допросили его. Допросили. А потом отпустили бы. Нельзя арестовать кого-то за мысли об убийстве. Они бы его отпустили, она, может, ушла бы от него из-за этого, и тогда он мог бы ее убить.

Оправдание. Проблема заключалась в том, что я чуяла собственную ложь.

* * *

Я улизнула пораньше и оказалась в баре в двух кварталах от похоронного бюро. Я заняла местечко в дальнем конце, угнездившийся за бильярдным столом возле покосившейся мишени для дартса. Было тихо, бар наполовину пустовал, и я скользнула на пластиковое сиденье, пододвигая к себе металлическое ведро с соленым арахисом.

Официантка на поздних сроках беременности протопала ко мне, безразлично зевая. Я уберегла ее от нескольких лишних походов, заказав сразу ведро пива.

– Что-нибудь из еды? – она заинтересованно прошлась взглядом по моему черному брючному костюму, и это показало, что выглаженная одежда в этом заведении появлялась редко.

– Только пиво, – я заставила себя улыбнуться.

– Вы все с какого-то съезда?

– Что, простите?

– Вы с ним, – она указала в сторону входа. Я проследила за ее рукой и увидела на табурете у бара мужчину в костюме-тройке.

– Нет.

– Ладно, – она пожала плечами. – Дайте знать, если вам понадобится еще арахис.

Включился музыкальный автомат, из него зазвучала какая-то гитарная песня об утреннем Амарильо. Я сползла по скамье, положив голову на мягкую спинку. Я не была в баре лет десять, что, возможно, являлось причиной моего одиночества. Сложно найти парня, когда проводишь большую часть времени в окружении коллег-психиатров и психически нездоровых пациентов. В последний раз, когда я ступала ногой в бар, там нежно пело пианино, а тихие разговоры велись под дорогими светильниками. Я попивала коктейль, приправленный специями и дымящийся в бокале.

Это место было прямой противоположностью последним моим воспоминаниям и принадлежало к числу тех заведений, в которых совершались ошибки и топились печали, из-за чего я и остановилась у входа, а затем толкнула дверь. Если бы я могла залить алкоголем последние два часа, может, мне удалось бы заснуть, не видя перед глазами мать Брук Эбботт, рыдающую у гроба.

– Вот, – официантка вернулась, с трудом водружая на стол металлическое ведро, полное бутылок светлого пива «Бад». – Если посетителей прибавится, вам придется пересесть на бар. Столики для компаний из двоих и больше.

Я кивнула. Если у них прибавится посетителей, я тут же уйду и поймаю такси. Я достала пиво и открутила крышечку, чтобы выпить бутылку залпом, отчего мозг съежился, реагируя на холод.

* * *

Два часа спустя я вернулась из туалета на свое место, где меня ждали оставшиеся бутылки, торчащие изо льда во все стороны. Я взяла липкое перекидное меню и просмотрела короткий список блюд.

– Извините, что мешаю, но когда-то давно я поклялся останавливать любую женщину, которая вот-вот совершит огромную ошибку.

Я подняла глаза от меню к лицу, выглядевшему таким же уставшим, как и мое. Чужое лицо выглядело лучше, чем мое: глубокие морщины, залегшие у бровей, почти усиливали его красоту.

– И что же это за ошибка?

– Вы думаете о рыбных палочках с соусом, верно? – уголок его рта вздернулся, обнажая прямое зубы. Он был моего возраста, и я проверила наличие обручального кольца. Мой интерес возрос при виде пустующего безымянного пальца.

Не то чтобы я хотела отношений. В данный момент, когда каждая моя мысль отягощалась чувством вины, мне просто нужна была ошибка. Одна грязная, отвлекающая ошибка. Если она появилась завернутой в дорогой костюм и с томным взглядом, я не была против.

– На самом деле я подумывала об устрицах.

Он поморщился:

– Как человек, за последний час перепробовавший все блюда в меню, я бы порекомендовал крылышки и ничего больше.

– Продано, – я опустила меню и протянула руку. – Гвен.

– Роберт, – он пожал мою ладонь крепко, но не доходя до демонстрации превосходства силы. – Плохой день?

– Плохая неделя, – я указала на скамью напротив, приглашая сесть. – У вас?

– То же самое, – он сел, зацепив ногой мою. – Хотите об этом поговорить?

– Черта с два, – я вытащила бутылку и протянула ему. – Пива? – он ее взял.

– Должен сказать, я никогда еще не видел, чтобы красивая женщина так долго пила в одиночестве и к ней никто не подошел.

– Думаю, я источаю довольно понятную остальным атмосферу, мотивирующую держаться подальше, – я огляделась по сторонам. – К тому же здесь никого нет.

– Что шокирует, учитывая обстановку, – пошутил он с каменным лицом.

– Ага, – засмеялась я. – Но я не знаю, это подходит под мое настроение, – я наклонилась и обхватила ладонями бутылку. – Этим бокалом, насыщенным и глубоким, мы убаюкиваем все наши горести, – я печально улыбнулась. – Так говорил мой отец. Хотя он предпочитал виски, а не светлое «Бад».

Он взгляделся в меня:

– Что вы здесь делаете? Вы больше похожи на девушку из центра.

Я должна была улыбнуться в ответ на вежливый подкол:

– На сноба, – исправила я. – Вы это имели в виду?

– Я просто говорю, что вы носите с собой в сумочке антисептик и включаете Тейлор Свифт на музыкальном автомате, – заметил он. – Мягко говоря, вы сюда не вписываетесь.

Я потеплела, поняв, что он наблюдал за мной, а потом тут же напомнила себе, почему я здесь оказалась. Наказание. Искушение. Двое людей умерли под моим присмотром.

– Я оказалась в окрестностях, – я встретилась взглядом с официанткой. – Вы?

– Посещал похороны, – он поморщился.

Я удивленно помолчала.

– Похороны Эбботтов?

– Да, – он приподнял бровь. – Вы?

– Тоже, – я нахмурилась. – Я вас там не видела, – не то чтобы я внимательно вглядывалась в толпу.

– Я довольно рано ушел. Я не очень хорошо справляюсь с похоронами. Особенно в последнее время, – по его лицу пробежала тень. – Слишком насыщенный на смерти год.

Мне не нужно было иметь образование психиатра, чтобы знать, что этого минного поля стоило избегать. От него исходила боль, и, если причиной были эти похороны, мое чувство вины стало бы еще тяжелее. Я коротко кивнула в ответ.

– Чьим вы были другом? – он задумчиво сдвинул брови. – Брук или Джона?

Другом? Я бы все равно солгала.

– Брук, – сказала я, желая, чтобы это было правдой.

Он кивнул:

– Джон был моим фармацевтом.

– Вау, – я отпила пива. – Хорошо вам. Я даже не знаю, как зовут моего, не говоря уже о том, чтобы посетить ее похороны.

– У моего сына был диабет, – тихо сказал он. – Мы были частыми покупателями.

А. Был диабет. Плохой год со смертями. Вот и разгадка к его страждущему взгляду, если только кто-нибудь в последнее время не изобрел лекарство от детского диабета.

– Что ж, – я подняла свою бутылку. – За Джона и Брук.

– За Джона и Брук, – он чокнулся со мной, потом допил остатки пива, даже не вздрогнув.

Официантка остановилась у нашего столика и подтянула к краю пустое ведро со льдом.

– Хотите заказать чего-нибудь еще?

– Да. Дюжину крылышек, пожалуйста. Средней остроты.

– И еще одно ведро пива, – Роберт закинул руку на спинку дивана, и его пиджак раскрылся, обнажая очертания дорогого жилета. Костюм явно был сшит на заказ. Из рукава выглядывал поблескивающий «Ролекс». Он излучал спокойствие в обстановке, в которую очевидно не вписывался, возвращенный на чистой уверенности в себе. Бизнесмен или адвокат. Вероятно, второе.

– Мне правда больше не стоит пить, – я повернула часы, посмотрев на циферблат. Семь тридцать. Казалось, что уже намного позже.

– Я все выпью, – он запустил руку в карман и достал две таблетки. Положив одну в рот, он опустил одну на салфетку передо мной. – Примите это. Она поможет завтра с похмельем.

Я посмотрела на круглую белую таблетку, не прикасаясь к ней.

– Что это?

– Б-6. Его нужно принимать до, во время и после выпивки, в любом случае помогает, – он кивнул на таблетку. – Давайте. Она не кусается.

– Нет уж, – я пододвинула салфетку к нему. – Это все вам.

Он издал смешок:

– Вы либо против лекарств, либо пьете, чтобы за что-то себя наказать, либо мне не доверяете.

– Последние два, – я отпила немного пива. – Без обид.

– Ничего, – он взял таблетку и положил ее на язык, продемонстрировав белые зубы, прежде чем та исчезла во рту. – За что вы себя наказываете?

– Я допустила ошибку на работе, – я подвигала бутылку маленькими кругами, наблюдая, как она оставляет на столе дорожку конденсата.

– Должно быть, серьезную.

– Так и есть.

– Дайте угадаю, – он склонил голову набок и нарочито оглядел мой черный брючный костюм. – Бухгалтер.

Я с отвращением поджала губы:

– Нет.

– Студийный руководитель.

Я рассмеялась, потому что в этом городе все хотели быть причастными в киноиндустрии.

– Нет. Психиатр.

– А. Значит, вы точно не против лекарств, – он поразглядывал меня. – Дорогие часы и сумка, возможность посещать бары в сомнительных частях города как раз в счастливые часы. Должно быть, у вас частная практика. Дайте угадаю, домохозяйки с комплексом неполноценности?

– Да, частная практика. Домохозяйки – нет, – я прищурилась. – Если вы полицейский, то не очень хороший.

– Однозначно не полицейский. Я сижу по другую сторону зала суда, – он бесстыже ухмыльнулся. – Адвокат защиты.

Я выпрямилась, заинтересовавшись его специализацией.

– Должностные преступления?

– В основном уголовные.

– Здесь, в округе Лос-Анджелес?

– И Ориндж.

– Преступления против личности или против собственности?

Он оглядел меня поверх бутылки пива.

– Вы внезапно полны вопросов.

– Меня часто вызывают для дачи экспертных показаний. Я удивлена, что мы не пересеклись.

– В год проходят тысячи дел, – медленно сказал он. – Я бы удивился, если бы мы пересеклись. На чем вы специализируетесь?

Я была слишком пьяна для этого допроса. Я прочистила горло и попыталась выглядеть собранной.

– Расстройства личности и склонность к насилию.

– Вы становитесь интереснее с каждой секундой, доктор Гвен.

– Крылышки? – возле нашего стола остановился мужчина в ковбойской шляпе и с корзиной в руках. Они как-то слишком далеко зашли с концепцией бара в стиле вестерн.

Я подняла руку:

– Это мне.

* * *

Мой дом был ближе, и я рассмеялась, нетвердой походкой выбравшись из такси, переплетая наши пальцы, когда мы прошли по темной мощеной дорожке и поднялись по каменной лестнице моего дома. Клементина мякнула с качели в дальнем конце крыльца. Роберт взгляделся в темноту.

– Хорошая кошечка.

Я проигнорировала его и отперла дверь. Он держался близко, блуждая руками в попытке стащить мой пиджак и целуя в затылок. Я откинула голову назад, наслаждаясь мягким прикосновением губ, пославшим дрожь вождения по позвоночнику, к обделенному вниманием месту. Моя последняя сексуальная связь была результатом свидания вслепую и включала в себя нетвердую эрекцию и множество подавленных зевков с моей стороны, пока я поглядывала на часы и желала лечь спать.

Лампа в прихожей была включена, и ее свет обрисовывал бирюзовые цвета масляной картины, изображавшей остров Алькатрас. Роберт прижал меня к стене, целуя и щупая грудь

через блузку. Он целовался талантливо, уверенно, но нежно, и я поддалась ему, позволив взять контроль. Я сбросила одну туфлю, потом другую, убавив в росте, пока он расстегивал верхнюю пуговицу моей блузки.

– Пойдем, – я потянула его за руку, увлекая вверх по темной деревянной лестнице. Распахнув дверь спальни, я ощутила обычное чувство спокойствия и уверенности при виде застеленной кровати и убранной комнаты. Для гостиной и прихожей я выбрала насыщенные и темные цвета, но моя спальня была исключительно белой, начиная от стен до постельного белья и мягкого плюшевого ковра, расстеленного на полу из орехового дерева. Единственными цветными элементами были аккуратная стопка книг, свежие лилии на тумбочке и большой камин, поблескивавший инкрустированными в камень кусочками зеркал. Я заплатила за этот камин целое состояние, но он стоил каждого пенни.

Если его и впечатлила моя комната, он ничего не сказал, сохраняя молчание, даже когда я очутилась на ровном просторе белого покрывала и повернулась лицом к нему.

Он медленно снял пиджак, затем расстегнул рубашку, давая мне время подумать, проанализировать, отступить. Может, дело было в алкоголе, а может, в том, что я больше года не спала с мужчиной, но я не сомневалась. Я расстегнула штаны и выбралась из них.

Кровать прогнулась, когда он присоединился ко мне, и я жадно потянулась к нему, жаждая тепла кожи и продолжения поцелуя. Жар наших тел слился, и это было именно то, что мне требовалось: живая связь в день, наполненный смертью.

Глава 6

Я проснулась и ощутила ароматы тостов и кофе. Знакомые успокаивающие запахи напомнили о детстве, поэтому я прикрыла глаза еще на мгновение, прежде чем проснуться окончательно.

Моя спальня была в идеальном порядке, как и всегда. Комод чистый и незахламленный. Шторы задернуты. Часы стояли под углом сорок пять градусов к вазе с лилиями, которые начинали увядать. Мои наручные часы лежали на тумбочке возле книг.

Запах еды был непривычным. Как и звук шагов, доносящийся снизу. Адвокат. Я зажмурилась и попыталась вспомнить, как его зовут. Роберт. Роберт, без фамилии. Мы дискутировали о смертном приговоре в такси по дороге сюда. О боже, моя машина. Она все еще стояла в парковочном гараже в трех кварталах от похоронного бюро.

Я медленно села, наслаждаясь ноющей болью в мышцах. Роберт был... Губы растянулись в улыбке. Фантастическим. Неужели таким должен быть секс? Господи, подумать только, сколько лет я потратила на посредственные занятия любовью. Я откинула одеяло и спустила ноги с высокой кровати, удивившись, что из одежды на мне была только просторная футболка со «Звездными войнами», заказанная в Интернете. Роберту она понравилась, потому что он посмеивался, вернувшись с ней из моей гардеробной. Я огляделась в поисках нижнего белья, но не нашла его. Встав на ноги, я поморщилась от головной боли. Мне стоило выпить ту таблетку Б-12... или Б-6, или что бы это ни было. То, что он уже встал и принялся готовить завтрак, доказывало, что она сработала.

Я почистила зубы и надела чистое белье, поверх – выцветшие джинсы. Застегнув молнию, я тихо спустилась по лестнице и направилась к кухне.

Улыбка исчезла, как только я распахнула двойные двери кабинета и увидела Роберта, стоящего у моего стола и изучавшего взглядом открытую папку с данными клиента. Папку Джона Эбботта. Я оставила ее на столе, когда пошла одеваться на похороны. Я смотрела, как он поднял край страницы.

– Что ты делаешь?

Он поднял взгляд, не смутившись моего тона.

– Я думал, ты говорила, что дружила с Брук.

Я вошла в кабинет. Во мне нарастала злость из-за отсутствия извинений.

– Это конфиденциальная информация о клиенте.

– Конфиденциальная информация о Джоне Эбботте, – он постучал пальцем по странице. – Джон был твоим пациентом?

– Тебе стоит уйти, – резко сказала я. Все теплые чувства улетучились, поскольку он все видел. Кто был виноват? Я оставила данные о пациенте на виду, но в собственном доме. Нарушил ли он какие-то законы? Нарушила ли их я?

Он отпустил страницу и отступил от стола.

– Что ты здесь делаешь? – я закрыла папку и обернула ее резинкой. – Этим ты занимаешься? Спишь с кем-то, а потом копаешься в чужих вещах?

– Мне нужно было проверить рабочие сообщения. У меня сел телефон, – он кивнул в сторону аппарата на моем столе. – У меня не было зарядки, а у тебя на кухне нет телефона. Это первая комната, в которой я его нашел. Извини. Мой взгляд зацепился за его имя.

Я открыла ящик стола и засунула в него папку.

– Тебе стоит уйти. Я могу вызвать тебе такси, если у тебя не работает телефон.

Он не сдвинулся с места, а мое недовольство возросло.

– Ты знаешь, что я связана конфиденциальностью. Твоя ситуация с клиентами схожа с моей, – сказала я.

– Тебе стоило сказать, что ты была психиатром Джона.

– Почему? – я издала сдавленный смешок. – Ты был незнакомцем в баре. Я не обязана раскрывать конфиденциальную информацию о клиенте.

– О мертвом клиенте, – отметил он.

– Это не имеет значения. Мои законные обязательства не меняются, – я скрестила руки на груди, гневно смотря на него.

– Ладно, – наконец сказал он, поджав губы. – Хорошо. Не нужно вызывать мне такси. Спасибо за гостеприимство.

Он взял пиджак, сложенный на спинке стула, и вышел в прихожую. Я осталась на месте, слушая, как каблучки ботинок застучали по коридору. Послышался тихий щелчок, когда дверь закрылась. С кухни донесся запах горелого.

Я подняла телефонную трубку и послушала гудки. Поглядев на клавиатуру, я нажала кнопку повторного вызова. Отобразился незнакомый номер с кодом «310». Затаив дыхание, я слушала, как прозвучал один гудок, а затем звонок перенаправился на автоответчик юридической фирмы «Кластер и Кэвин».

Я повесила трубку. Значит, он все же звонил в офис. «Кластер и Кэвин»... Я застыла посреди коридора и резко вздохнула, внезапно осознав, кем был Роберт.

Роберт Кэвин. Отец Гейба.

Глава 7

Роберт Кевин остановился в конце подъездной дорожки Гвен и огляделся по сторонам, изучая тихий квартал. Все было хорошо обустроено: дворы аккуратно ухожены, машины спрятаны за дверьми гаражей. Ему понравился дом, понравились идеальный порядок и вложенная в него забота. Это был дом с характером, как и сама Гвен: элегантный стиль с легкой изюмкой. Папье-маше в форме черепа в книжном шкафу. Висевшие в ванной картины с кровавыми брызгами, окаймленные рамами. Насыщенно-синие стены. Книги повсюду. Искусство, дававшее впечатление, что за каждым предметом стояла своя история. Он хотел выслушать эти истории, хотел узнать умную и сексуальную женщину, которая забралась к нему на колени на заднем сидении такси с заразительным смехом, контрастировавшим с ее профессиональным внешним видом.

Его теплые чувства растворились в момент, когда он увидел ту папку на ее столе. Ему удалось прочесть всего несколько страниц, прежде чем она прервала его, но этого было достаточно, чтобы понять, что ее консультации с Джоном Эбботтом носили глубоко личный характер. Личный и полный жестокости.

Он оглянулся на двухэтажный дом в стиле Тюдор и направился по улице, проклиная севший телефон. Прошлой ночью он не уделил внимания, куда их везло такси, но отправился на север, надеясь, что дорога выведет его к выходу из района, предпочтительно к тому, где можно найти заправку или торговый центр. Он сжал левой рукой пиджак и перешел на затененную сторону улицы. Калифорнийская жара была паскудной даже в октябре.

Если бы его сын был здесь, он бы посмеялся над ним. Гейб отпустил бы какую-то шутку о том, что Роберта в буквальном смысле поймали. Он бы спросил, почему он ушел вместо того, чтобы обсудить все с Гвен. И если бы Роберт сказал, что он пытался, а она закрылась и начала разглаживать о конфиденциальности, Гейб бы заметил, что он бы поступил так же.

Что было правдой. За двадцать лет работы с клиентами – порой ужасными клиентами – он никогда не нарушал конфиденциальности. Надо признать, женщина, с которой он переспал единожды, тоже никогда не копалась в его делах. Он поморщился, представив, какой была бы его реакция в таком случае. Вряд ли он бы смог сохранить спокойствие.

Мимо проехала «Вольво» с номерами Стэнфорда, и он проводил ее взглядом, не решаясь тормозить незнакомца. Впереди, на дорожке для гольф-каров, виднелся указатель с надписью «Здание клуба» и маленькой стрелкой. Вероятно, оно было где-то неподалеку.

Район казался ему знакомым, похожим на тот, где жила первая девушка Гейба. Ее родители устроили вечеринку на День независимости и чуть ли не заставили его прийти. Это было посреди суда Зентенберга, поэтому у него едва хватало сил держаться на ногах, но он пошел, а в итоге страдал три часа. Один и тот же разговор о «Чарджерс», потом о лесных пожарах, потом о выборах. Бесконечный круг скучной болтовни.

Если бы Наташа была жива, она бы пошла на ту вечеринку с ним. Ей такое нравилось. Она могла стоять с бокалом в руках и смеяться над идиотскими замечаниями, словно они были самым забавным, что она когда-либо слышала. И это не казалось притворным, что похвально, потому что она перемывала людям косточки, как только они оказывались вне зоны слышимости. По этой ее черте он не скучал. Обсуждениям за спиной не было конца и края.

За поворотом показался гольф-клуб. Он перешагнул через бордюр и повернул на широкую дорожку, ускоряясь в предвкушении доступа к телефону и кондиционеру. Он взглянул на часы, гадая, открыт ли бар в такой ранний час.

В тот момент ему очень нужно было выпить.

* * *

Бар был открыт и пустовал, его заказ – виски – приняли с ворчанием. Откинувшись на барном табурете, он потянулся, вздохнув, когда в спине что-то хрустнуло. Он был слишком стар для марафонного секса, а прошлая ночь была первой за долгое время, когда он чувствовал себя настлько... живым.

Гвен оказалась сюрпризом в постели. Страстной и требующей внимания, но и уверенной в себе. Она не прикрывалась, когда он смотрел на нее, не извинялась за целлюлит на бедрах. Может, эта уверенность появилась из-за того, что каждый день она сидела напротив убийц.

Его настроение омрачилось, и он подтянул стакан поближе.

– ...Трогательное воссоединение.

Он взглянул на телевизор, поймав окончание видео, на котором обнималась семья. Стало еще хуже.

– С ума сойти, а? – бармен прислонился к колонне, засунув ладони подмышки.

– Ага, – Роберт уставился в свой стакан. Скотт Харден и его чудесное освобождение – последнее, о чем он хотел слушать.

– Вы слышали об этом, да? Ну, о том пропавшем парне, которого похитил серийный убийца? Он сбежал от него.

Пропавший парень. Не Гейб, который не смог сбежать. Скотт Харден. Везучий Скотт Харден.

Эмоции Роберта вспыхнули, когда телеведущие рассказали о побеге и воссоединении семьи. Повествование сменилось на короткое изложение истории Кровавого Сердца, поэтому он залпом осушил остатки разбавленного виски. Когда упомянулось имя Гейба, он с силой опустил стакан. Вытащив кошелек, он достал двадцатидолларовую купюру и положил ее на барную стойку.

– Спасибо.

– Не за что.

Его тревога возросла, когда он снова услышал имя Гейба. Показывали ли они фотографии? Как его босые ноги свисали из-под брезента? Его окровавленную куртку?

Он выбрался из лобби на улицу и увидел такси, движущееся по дорожке в его сторону. Подняв руку, чтобы привлечь внимание водителя, он закрыл глаза, но не смог отогнать изображение, которое они всегда показывали. Его сын в футбольной куртке, улыбающийся в камеру, на снимке, сделанном всего за восемь недель до его убийства.

Глава 8

Нита Харден предполагала, что ее сын будет тощим. Каким-то образом, вопреки законам природы, он стал толще. Теперь, когда он сидел в кабинете в вольтеровском кресле, белая рубашка на пуговицах туго обтягивала грудь, испещренную маленькими, покрывающимися корками ожогами от сигарет. Сидящая перед ним детектив Эрика Петтс поправила настройки диктофона, а затем положила его на колени. Она была первой, кто оказался в доме после исчезновения Скотта, и именно она выслушивала бесчисленные вопросы, слезы и жалобы от Джорджа и Ниты во время его отсутствия.

– Если вы устанете или захотите прерваться, дайте мне знать. И не спешите, если вам нужно обдумать вопрос, – детектив подалась вперед, полностью сконцентрировавшись на Скотте.

– Хорошо, мэм, – он был таким вежливым мальчиком. Это было единственное, с чем Джордж хорошо справился. Еще в первом классе Скотт научился говорить «пожалуйста» и «спасибо» даже раньше, чем выучил свою фамилию. Она преисполнилась гордости, глядя, как он потирает красивое лицо.

– Так, мы это записываем, просто чтобы ничего не упустить, – второй полицейский устроился в третьем кресле. Детектив Эд Гарви был большим, крепким мужчиной в очках. Он всегда излучал отчетливую недружелюбную атмосферу, как бы говорящую «уберитесь с дороги и дайте нам сделать свою работу», что выводило ее из себя. Но теперь, когда Скотт был дома, его настрой сменился подозрительным, хотя она не могла понять, по отношению к кому.

Нита прислонилась к стене, сцепив руки и наблюдая за тем, как Эд предложил Скотту газировку. Ему не нравилась эта марка, поэтому она вышла из комнаты и прошла по дому, спеша на кухню. В большом двойном холодильнике она нашла банку газировки. Вернувшись в кабинет, она тихо подошла и поставила ее на стол возле него.

– Спасибо, мам, – улыбнулся он.

Эрика кашлянула:

– Как вы, Скотт?

– Хорошо, – он робко улыбнулся. – Рад быть дома.

– Не сомневаюсь, – она коротко рассмеялась. – У вас есть какие-то большие планы?

– Ну, мама сегодня вечером сделает лазанью. Я очень этого жду. А потом мы посмотрим «Крепкий орешек».

Нита предложила менее жестокий фильм, но Скотт закатил глаза и переманил Джорджа на свою сторону. Она предложила поставить в его комнате раскладушку, но муж пресек эту идею, твердо покачав головой.

– Отличный фильм, – вставил Эд. – Обожаю Брюса Уиллиса.

– Ага, – Скотт открыл банку газировки.

Повисла пауза, и Нита перенесла вес тела на другую ногу.

– Вас не было сорок четыре дня, Скотт, – Эрика щелкнула ручкой. – Что вы помните о дне, когда вас похитили?

– Все. Я имею в виду... что ж. Я помню все до того, как отключился. Потом я помню, как оказался в доме.

– Хорошо. Расскажите, что последнее вы помните до того, как отключились.

– Ну, у нас был футбольный матч против «Гарвард-Вестлейк», – он почесал затылок. – И я, эм, принял душ после игры. Парни планировали поехать поесть, поэтому я взял вещи и направился к своему внедорожнику.

Ему подарили внедорожник на семнадцатый день рождения. Огромную четырехдверную машину с громоздкими шинами и слишком громким двигателем, но он ее обожал. Когда он

пропал, она забиралась внутрь и сидела там часами, отчаянно вдыхая воздух, нуждаясь в его запахе.

– Но вы так и не добрались до грузовика? – спросил Эд.

– Нет, добрался. Кто-то был припаркован возле моей машины. Это был, эм, преподаватель естественных наук из школы. Мистер Томпсон.

– Этот человек? – Эрика вытащила фотографию из папки, лежавшей у нее на коленях. Нита подвинулась вбок, чтобы получше рассмотреть снимок. Это был мужчина под шестьдесят с аккуратной белой бородой, редующими волосами и доброй улыбкой. Это было фото для школы, где к немного мятой белой рубашке был прикреплен именной бейдж. Она посмотрела на него. Это был монстр, забравший ее сына. Человек, пытавший и убивший шестерых других. Человек, мимо которого она проходила не меньше дюжины раз в школе Беверли и никогда не замечала. Где была ее материнская интуиция? Почему она не забила тревогу и не указала в его направлении?

– Да, это он.

Проблема была в том, что она расслабилась. Решила, что Скотт в безопасности, раз он весил сто семьдесят фунтов и был практически взрослым. Невероятная наивность, которую она больше никогда не сможет себе позволить.

– И что произошло? – спросил Эд.

– Ему нужно было достать что-то из багажника. Я наклонился помочь, и он воткнул что-то мне в шею. Что бы это ни было, оно вырубило меня вот так, – Скотт щелкнул пальцами.

– Где вы очнулись? – спросила Эрика.

Он поколебался. Поднес газировку к губам и отпил. Взглянул на мать.

– Эм... в комнате. На кровати. Я был привязан к ней.

Нита выдержала его взгляд, но он отвел глаза. Ее сердце сжалось от боли. В течение недели после пропажи Скотта, когда они начали считать, что это дело рук Кровавого Сердца, полиция поделилась с ними информацией о других жертвах. Детали того, что показали вскрытия... Нита невольно вздрогнула.

Скотт всегда был относительно невинным мальчиком. У него не было серьезных отношений, хоть за годы случалось много мимолетных влюбленностей. До его исчезновения она поклялась бы на Библии, что он девственник. Теперь ее взгляд опустился к забинтованным запястьям. О них она позаботилась в первую очередь, после того как приготовила поесть и помогла залезть под горячий душ. Она позвонила Эрике, пока Скотт был в ванной, и детектив практически приказала вытащить его оттуда, чтобы сохранить улики.

Но Скотт был весь в грязи. И он уже знал, кто его похитил, так почему улики имели значение? Не имели. Важно было его исцеление. Полиции нужно было заканчивать с вопросами и оставить его в покое, чтобы он мог вернуться к жизни обычного подростка.

– Вы знаете, где находился дом? Это был этот дом? – Эд достал фото, на которое Скотт взглянул.

– Может быть. Когда я выбрался, я просто бежал. Я не смотрел на дом.

Нита внимательно за ним наблюдала, поэтому заметила, как он потер щеку указательным пальцем. Это была одна из вещей, выдававших его неискренность, и она подумала, что он что-то недоговаривал.

– Вы были в спальне? В его спальне? – спросила Эрика.

– Нет, я не думаю, что он там жил. Я был одурманен большую часть времени, поэтому я не уверен.

Двое детективов переглянулись.

– Вам нужно его арестовать, – подала голос Нита. – Прежде чем он исчезнет или придет сюда.

– Мы приставили полицейских к Рэндаллу Томпсону, – Эрика посмотрела ей в глаза. – Мы ждем ордер на обыск его дома. Не беспокойтесь. Мы не спустим с него глаз.

– А если он скажет, что он этого не делал? – спросил Скотт. – Если будет мое слово против его?

– Улики имеют право голоса, – сухо сказал Эд. – Все будет в порядке.

Скотт кивнул, но он не выглядел убежденным. Нита ступила вперед.

– Вы задали достаточно вопросов на сегодня. Он устал, и нам потребуется присутствие нашего адвоката, если у вас появятся еще.

Ее муж, наблюдавший у двери, одобрительно кивнул. Он хотел сразу позвонить адвокату, но Нита переспорила его, настаивая, что самым важным делом было упрятать учителя за решетку. Она проводила полицейских до двери и обняла Эрику на прощание, шепотом поблагодарив ее. Задержавшись у входа, она оглянулась на сына, все еще сидевшего в кресле. Он посмотрел на нее в ответ и быстро отвел глаза.

Она забеспокоилась сильнее. Ее сын что-то скрывал от полиции.

Что же это было? И зачем ему это?

Глава 9

Юридическая фирма «Кластер и Кевин» располагалась в одном здании с «Агентством талантов», а это означало, что раз в неделю Роберт Кевин сталкивался в лифте со знаменитостями. Этот факт когда-то добавил пару очков уважения со стороны сына еще в те времена, когда он был достаточно маленьким, чтобы впечатляться этим. Магия исчезла во время переходного возраста, сменившись скучающим выражением лица, реагирующим только тогда, когда дело доходило до денег, его машины или девочек.

В один прекрасный день Роберт подождет все свои дела и переедет в пляжный домик. Он будет носить пляжные шорты и кепку и не бриться весь год. Он будет заниматься делами о доступе к пляжу и арендных депозитах, представлять усыпанные песком дайкири-бары, которые будут платить ему алкоголем и коктейльными креветками. Сверкающее здание, выглаженные и накрахмаленные костюмы... все это останется в прошлом.

– Вы снова витаете в облаках, – сказала его администратор – женщина постарше, стоявшая возле него в лифте со знающей улыбкой на лице. – Дайте угадаю, Аруба?

– Я теперь подумываю об Уругвае, – двери лифта разъехались, он придержал их, жестом пропуская ее вперед. – Там налоги ниже. Хотите присоединиться?

Статная бабушка троих внуков засмеялась, выходя из лифта:

– Я не могу убедить Фреда проехать сорок пять минут до «Костко». Нет никаких шансов заманить его в самолет в этом столетии.

Они завернули за угол и прошли сквозь высокие стеклянные двери в приемную юридической фирмы.

– Мартин уже здесь? – он вытащил ключи, перебрал связку, нашел ключ от своего кабинета и вставил его в замок. Из трех партнеров фирмы он был единственным с дополнительным уровнем охраны, но ему было все равно. В этом заключалась разница между ним и кем-то вроде Гвен, оставлявшей документы на самом видном месте. Из-за такой небрежности дела проигрывались, секреты разлетались, а карьеры рушились.

– Он тут с семи утра.

– Представить только, – он включил свет и бросил ключи на стол, а затем направился в кабинет своего партнера.

Мартин, разговаривавший по телефону, посмотрел Роберту в глаза, когда тот вошел. Кивнув в сторону круглого стола в дальнем конце кабинета, он поднял палец, прося подождать минуту. Роберт занял одно из кожаных кресел на колесиках и взял липкий пончик с тарелки, стоявшей на краю огромного стола.

– Они с кокосом, – предупредил Мартин, завершив звонок. – Клянусь, Джой сговорила с моей женой, чтобы заставить меня похудеть.

– Я люблю кокосы, – сказал Роберт с набитым ртом.

– Ну да, – Мартин поднял кончик галстука и изучил его, потеряв пятно ногтем. Снова посмотрев на Роберта, он замер. – Я полагаю, ты уже слышал, что Скотт Харден вернулся домой.

– Да, – Роберт вытер рот. – Один из детективов мне позвонил.

– У них есть какие-то зацепки?

– На самом деле, парень сказал, что это один из его учителей. Они вызвали его на допрос, и судья Гленн выдала им ордер сегодня утром.

– Они нашли какие-то доказательства? – Мартин сложил руки поверх своего живота, взглянув на Роберта. В сумме они вдвоем освободили сотни обвиненных преступников от жизни за решеткой, и в большинстве случаев недостающая улика являлась слабым звеном, диктующим решение суда.

– Они нашли обувную коробку в его доме, – он посмотрел Мартину в глаза. – В ней были сувениры от каждого мальчика, включая Гейба.

– Мне жаль, Роб, – поморщился он.

– Все в порядке, – он съел последний кусок пончика, заставив себя жевать, но его мысли не покидали слова детектива. «Они нашли волосы Гейба в коробке. ДНК совпадает. Там есть еще несколько вещей. Брелок. Нам нужно, чтобы вы зашли идентифицировать его». Роберт кашлянул, затем сглотнул, заставляя голос звучать спокойно. – Они выдвинут учителю обвинения во всех шести убийствах и отправят его в Центральную тюрьму.

– Что ж, – кустистые белые брови Мартина приподнялись до середины темного лба. – Это отлично, Роберт. Это должно дать тебе немного умиротворения.

Роберт молчал.

– Что? – его партнер наклонился вперед. – О чем ты думаешь?

– Что-то не так, – Роберт покачал головой. – Это слишком просто. Скотт Харден сбегает, добирается домой, и убийца его не ловит. И он знает убийцу? Другие жертвы Кровавого Сердца не учились в школе Беверли. Так с чего бы нарушать привычный расклад? Зачем похищать парня, который может его идентифицировать? Это слишком рискованно.

– Ты ищешь здесь здравый смысл и забываешь, что Кровавое Сердце – человек. Нестабильный человек. Не смотри на это сквозь призму обвинения.

– Я должен. Я указываю на те же вещи, которые заметят они.

– Роберт... – предупредил Мартин.

– Этого недостаточно для суда. Слово подростка и коробка, которую можно было подкинуть...

– Роберт, – голос Мартина стал ровным и успокаивающим. Одна из причин, почему он стал одним из самых успешных адвокатов в Калифорнии, заключалась в том, что он мог манипулировать настроением присяжных одним только тоном своего голоса. – Здесь есть показания жертвы и доказательства. Ему конец. Мы убедимся, что он заплатит за содеянное.

– Я беспокоюсь, что это не он, – Роберт откинулся назад и скрестил руки, пытаясь предугадать реакцию партнера на последующие слова. Он не спал всю ночь, обдумывая арест Рэндалла Томпсона и доказательства против него. Ему понадобится адвокат, а общественные защитники будут пытаться избежать этой работы, как игроки в «горячую картошку». Мартин всегда проявлял некую снисходительность касательно Гейба, но то, что он собирался сказать, точно не воспримется хорошо. – Я хочу его представлять.

Мартин глядел на него несколько долгих мгновений, а затем рассмеялся.

– Это шутка?

– Как я и сказал, я не думаю, что это он.

– Нет, ты сказал, ты беспокоишься, что это не он.

– Ладно, – он вздохнул и поправился: – Я не думаю, что это он.

Его партнер по фирме пододвинулся к столу и положил на него локти, пригвоздив его прожигающим взглядом.

– Речь идет об убийце Гейба. Твой сын мне был как родной. Я бы поддержал тебя, если бы ты захотел добиться справедливости и подстроил все так, чтобы его в тюрьме убили заточкой. «Ты не думаешь» – этого мало, Роб. Ты хочешь, чтобы дело дошло до суда, а мудака до той поры умудрился сохранить яйца, ладно. Но сидеть за столом защиты? – он пристально посмотрел на него. – Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты пытаешься подорвать дело, но ты слишком этичен для подобного.

– У меня нет скрытых мотивов. Я не думаю, что он это сделал, но полиция перестанет искать по-настоящему виноватого, – Роберт пожал плечами надеясь, что это выглядело убедительно. – Я продумал это, Мартин. Я свяжусь с судами сегодня после обеда и назначу встречу.

– Ты взрослый человек, Роб, – Мартин вздохнул. – Ты знаешь свое дело лучше кого-либо другого. Но это пахнет гнилью. Я не знаю, что тебе сказать.

– Тебе не нужно ничего мне говорить. Я не прошу разрешения, – Роберт скомкал салфетку и бросил ее в круглое мусорное ведро у стола. Ему нужно было заканчивать с этой встречей, прежде чем начнутся расспросы. Мартин мог пригвоздить его умными, точными и неизбежными вопросами, на которые у Роберта не нашлось бы ответа. Не было логики в том, что он собирался притронуться к делу Рэндалла Томпсона и стоять с ним рука об руку, а не по другую сторону суда.

– Ладно, но мне нужно сказать еще кое-что. Это огромный конфликт интересов, – Мартин встал и обошел стол, сложив руки на широкой груди и прижав к ней кроваво-красный галстук. – Если ты проиграешь это дело, он подаст на нас в суд. Скажет, что ты специально все испортил. Он скажет, что ты уничтожил улики, влиял на свидетелей и плохо представлял его в суде.

– Я не проиграю.

Мартин издал расстроенный смешок:

– Что я упускаю? Ты думаешь, он невиновен? Ладно. Пусть полиция и общественный защитник с этим разбираются. Из твоего вмешательства не получится ничего хорошего.

– Мне нужно с ним встретиться. Послушать, что он скажет. Будучи его потенциальным адвокатом, я смогу встретиться с ним лицом к лицу, а этой возможности в любом другом случае не предоставится, – он сжал крепкое плечо партнера. – Если я не поверю его словам, я уйду. Ты же знаешь, что уйду.

– Он не захочет, чтобы ты его представлял, – покачал головой Мартин. – Не могу поверить, что он захочет обсуждать свои дела с отцом одного из убитых им мальчиков.

Роберт ничего не сказал. Он весь вечер откапывал все, что смог, на Рэндалла Томпсона. Этот человек работал преподавателем естественных наук в старшей школе, водил пятилетнюю Хонду Аккорд и жил в двухкомнатной квартире здания, подлежащего сносу. Он не мог отказаться от законного представительства лучшего адвоката защиты по уголовным преступлениям в Лос-Анджелесе, вне зависимости от того, кто является... являлся сыном этого адвоката. Он отпустил плечо Мартина и направился к двери, но задержался, когда его партнер заговорил.

– Пресса тебя растерзает. Я знаю, ты считаешь, что он может быть невиновным, но что, если это не так? Что, если он убил Гейба и всех других мальчиков?

Роберт оглянулся через плечо и открыл дверь, жалея, что не мог рассказать всего.

– Просто доверься мне.

Мартин поморщился:

– В этом-то и проблема. Я не могу.

Глава 10

Я стояла возле обеденного стола и разглядывала кусок пазла и коробку, пытаюсь найти сходство между ними. Клементина вертелась у ног, щекоча хвостом мои обнаженные колени. Я отодвинулась, дернувшись.

– Клем, прекрати.

Она запрыгнула на ближайший стул и мякнула, требуя внимания. Положив коробку на стол, я погладила ее по голове и уставилась на доску.

Это был плохой день. Клиент, записанный на два часа, меня самозабвенно игнорировал, что могло бы послужить приятной передышкой, если бы я не переживала насчет своих способностей психиатра.

Раньше я никогда об этом не беспокоилась. Я всегда была немного излишне самоуверенной, убежденной, что могу взмахнуть ручкой, открыть рот и выдать потрясающий диалог, который перевернет мозги моих клиентов так, чтобы они станут меня слушаться. Но после смерти Джона и Брук я все больше и больше убеждалась, что мой эмоциональный радар временно – или даже бесповоротно – сломался.

Взять, к примеру, мою последнюю встречу с Джоном. Он был взбешен из-за Брук. Я помню, как сидела напротив него и чувствовала приземлявшиеся на лицо капельки слюны, когда он возмущался из-за мужчины, с которым она, по его мнению, встречалась.

Я не верила этому, но моя работа была не в том, чтобы судить о невинности жены – я должна была только фильтровать и анализировать его мышление. Большинство проблем с доверием уходило корнями в жизненный опыт, тянулись аж из детства. Джон постоянно упирался при попытках обсудить его взросление, что только больше подтверждало проблемы с доверием в качестве естественной защитной реакции. Если бы моя психологическая антенна была настроена на правильную волну, я бы проигнорировала попытки диагностировать корень его неуверенности в себе и вместо этого сконцентрировалась на более очевидном факте – что его злость могла выйти из-под контроля и вылиться в физическое насилие.

На телевизоре в гостиной было включено развлекательное шоу. Я посмотрела, как ведущий несся к сцене, давая пять зрителям по дороге.

У меня всегда была неприятная гипотеза о браке – в какой-то момент совместной жизни один партнер тайно желает смерти другому.

Это непопулярная теория. Когда я поднимала ее на психологических событиях и форумах, она всегда разжигала спор, некоторые доктора перескакивали на территорию обычных людей, охали, брызгали слюной и настаивали, что они в браке сорок лет и НИ РАЗУ не желали смерти своему партнеру. Но где-то в самом темном, тщательно подавляемом уголке души, спрятанном за притворством... я знаю, что там всегда наступает правдивый и слабый момент, когда вспыхивает мысль... надежда. Для большинства людей она мимолетна. Для некоторых, вроде Джона, это заноза. Глубоко сидящая заноза, отломившаяся под кожей, которую невозможно вытащить, не расковыряв все место целиком, но этого никто не делал, поэтому она начинала гнить. Там размножалась инфекция. Она убивала и пожирала окружающие здоровые ткани, пульсировала и болела, подавляла каждую мысль и действие, пока не захватывала контроль над жизнью человека.

Я слышала столько размышлений и теорий о нанесении вреда Брук, что это превратилось в фоновый шум. Я утратила чувствительность. Я приняла тот факт, что Джон фантазировал об убийстве Брук, и прекратила ему ужасаться, потому что не верила, что это когда-либо случится. Они были женаты пятнадцать лет. Если бы он правда собирался ее убить, он бы уже это сделал. И что с того, что он думал об изменах Брук? Он был почти таким же злым год назад,

когда она припарковалась на холме, не дождала ручник, и седан скатился, въехав в припаркованную машину.

Это не моя вина. Я вставила пятисторонний кусочек на место и мысленно проговорила слова, пытаясь найти в них правду.

Это не моя вина. Я спорила с ним, защищая Брук. Становилась на ее сторону. Отмечала всю их историю отношений и его необоснованную неуверенность в ней.

Это не моя вина. Может, у нее и правда случился сердечный приступ.

Я взяла бокал вина и сделала большой глоток, пару мгновений покатав мягкое мерло на языке, а потом позволила ему просочиться в горло.

С резким «динь-дон» прозвенел дверной звонок, и я повернулась на звук, а Клементина пронеслась мимо, прячась под диван.

* * *

На моем пороге стоял Роберт Кевин с букетом цветов в руках. Я, колеблясь, замерла в прихожей,

Было поздно, почти девять. Слишком поздно для неожиданного визита, несмотря на то что я в любое время была против них. Я могла бы просто прокрасться обратно за угол в темный коридор. Держаться подальше от окон в надежде, что он утратит интерес и отправится домой.

– Гвен, – он приложил руку к двери. – Я тебя вижу сквозь стекло.

Ну конечно. Я надеялась, что приглушенный свет не выдаст меня, но удача в последнее время не проявляла ко мне благосклонности. Проглотив ругательство, я отодвинула засов.

– Привет, Роберт, – сказала я коротко итак холодно, как только могла, учитывая, что в руках у него был букет розовых тюльпанов, а на лице отображались раскаяние и сожаление. Мне уже много лет не дарили цветов. Я взяла их и с трудом сдержалась, чтобы не зарыться в тюльпаны лицом, вдыхая аромат.

– Я знаю, что уже поздно, но мне нужно было извиниться.

С цветами в руках захлопнуть дверь было проблематично, поэтому я ответила своим самым непроницаемым тоном:

– Давай.

– Мне не стоило читать дело. Честно, без твоего ведома мне не стоило даже готовить завтрак. Извини.

Я проанализировала извинение и увидела в нем искренность. Более сильная женщина оспорила бы несколько ключевых моментов, отчитала бы за его действия, а потом сорвала бы бутоны и бросила их в лицо, но на улице царил прохлад, мои пижамные шорты были недостаточно теплыми, чтобы стоять в них в открытой двери, и я не могла проявлять жестокость к человеку, пережившему утрату ребенка.

– Ладно, – примирительно сказала я. – Спасибо за цветы.

Легкое принятие извинений его явно удивило, но он медленно кивнул, отступив от порога.

– Не за что. Мне правда жаль.

– Ага, – я оглядела его, освещаемого фонарем на крыльце. Он носил костюм, на этот раз не тройку, висевший на шее галстук был развязан, а верхняя пуговица рубашки – расстегнута. Если судить по внешнему виду, ему нужно было поесть и поспать, а я могла помочь ему только с одним.

Я отступила и придержала дверь.

– Хочешь зайти? Я могу подогреть лазанью, если ты голоден.

Он робко улыбнулся, и это выражение выглядело просто незаконно привлекательным на его красивом лице.

– Конечно, – медленно сказал он. – Если ты не против компании.

* * *

Роберт съел три огромных квадрата лазаньи, а потом набросился на начатый пазл. Я сидела, скрестив ноги, на мягком стуле и наблюдала, как его руки движутся по доске, словно он ребенок из «Менса», занятый кубиком Рубика.

– К тому же, если говорить о путешествиях, – он вставил темный кусочек на место. – Я не хочу переживать за них, пока их везут в переноске где-то там, в багажном отделении.

Он перечислял все причины, почему у него не было домашнего питомца, и все они казались весомыми, если воспринимать его как бездушный объект и не брать в расчет радость, которую животное приносило в человеческую жизнь.

– Как часто ты путешествуешь? – я качнула бокал, наблюдая за переливами бордовой жидкости.

– Нечасто, – признал он. – Прошлым летом я был на озере Тахо. Но знаешь, в какой-то момент я буду путешествовать.

– Конечно, – я сделала глоток. – Трудоголик, женатый на своей работе. От одного зависимого другому, я тебе скажу, что путешествия не станут реальностью. Ты же это знаешь, да?

Он поморщился.

Я взяла кусочек и осмотрела рисунок на нем.

– Я соболезнаю, что такое случилось с твоим сыном.

После того как Роберт ушел из моего дома, я поискала информацию о нем в Интернете. Впечатляющая история судебных дел и юридические почести оказались похоронены на шестой странице результатов поиска за статьями из национальных новостей, пресс-релизами и сотнями видео и постов, ищущих зацепки и добивающихся правосудия для Гейба Кевина. Половина новостных результатов принадлежала периоду исчезновения. Другая половина была опубликована после того, как за заводом по переработке в Бербанке обнаружили тело его сына с грубо вырезанным на груди сердцем и выброшенными в мусор гениталиями. Шестая жертва Кровавого Сердца, носящая его фирменные отметки.

Он поднял взгляд от пазла и посмотрел мне в глаза. В тусклом освещении бара я не разглядела глубину скорби – в его глазах плескалась боль. Она искажала лицо. Отягощала фигуру.

Я лечила нескольких пациентов, потерявших ребенка. Скорбь никуда не уйдет. Она немного растворится в его глазах. Он научится лучше ее маскировать, прятать, но она навсегда останется с ним. Потерять ребенка равноценно потере конечности. Напоминанием об этом было каждое движение, пока новые изменения в жизни не становились полноценной частью личности.

Он поджал губы.

– Не нужно соболезнаваний. Это мне его не вернет.

Нет, не вернет. Я сменила тему:

– Как я понимаю, тебя держат в курсе новостей касательно ареста.

– Ага, – он перебрал кучку беспризорных элементов пазла. – Ты осведомлена об убийствах Кровавого Сердца?

Я была одержима убийцами, поэтому самый известный серийный убийца Лос-Анджелеса был под моим микроскопом с самого начала. Я приподнялась на стуле и взяла бутылку, доливая вино в свой бокал. Не спрашивая, подлила и ему.

– Это по моей части, так что да. У меня профессиональный интерес к убийствам.

– В ночь, когда мы познакомились, ты сказала, что часто даешь экспертные показания.

– Верно.

- Составляешь психологические портреты?
- Иногда, – к чему он клонил?
- Когда-нибудь делала подобное с серийным убийцей?
- Только в медицинском.

Он ничего не сказал, поэтому я выждала, пока он все обдумает. Я вставила на место кусочек пазла, обнаружив его место.

- Я бы хотел тебя нанять.
- Для чего?
- Для начала, чтобы составить психологический портрет Кровавого Сердца.

Я могла бы сострять неплохой портрет за день, поскольку знала о его убийствах уже многое. Но Роберта Кевина, вероятно, «неплохое» бы не устроило.

- Зачем?
- Мой сын умер от его рук, – он гневно взглянул на меня, предупреждая дальнейшие расспросы. – Разве мне нужна другая причина?

– Нет, – медленно сказала я. – Но твоего сына нашли девять месяцев назад. Зачем ждать до нынешнего времени и только сейчас составлять психологический портрет? Убийца у них.

- Я не был с тобой знаком девять месяцев назад.

Я выиграла несколько секунд, медленно отпив мерло. Не то чтобы я не хотела соглашаться. У меня чесались руки выставить Роберта за дверь и наточить карандаш. Но что-то здесь было не так, и мне нужно было определить, что конкретно.

– У тебя есть дело твоего сына? – вероятно, нет. Для него это было бы кошмаром. И все же что-то в уверенной манере держать себя говорило мне, что оно у него имелось.

Он кивнул.

Ох, какую же травму его психике нанесло каждое фото со вскрытия, каждая небрежная записка по делу. Я пыталась не поморщиться.

- У меня есть его дело, и в следующие несколько дней я смогу достать остальные. Остальные? Я вдохнула, представляя возможность просмотреть дела шести жертв.

- Как ты их получишь?
- Просто знай, что я могу их достать.

Я скептически нахмурилась:

– Ну да, – если это было правдой, если бы я смогла просмотреть дела всех жертв Кровавого Сердца... мечта психолога. И еще лучше – убийца был уже за решеткой. Я могла бы навестить его. Поговорить с ним. Провести полноценное психиатрическое оценивание при наличии разрешения от его команды юристов.

Я осознала, что глазею на него, и выпрямилась на стуле.

– Ладно. Я это сделаю, – я пыталась сдержать восторг, но он все равно просачивался в речь.

Уголки его губ приподнялись, но не в улыбке. Он был разочарован, но у меня не было времени обдумать это прежде, чем он заговорил:

- Я принесу тебе копию дела Гейба завтра.
- Это было бы отлично, – я смотрела, как он бросил кусочек пазла, не найдя ему места.
- Я пойду домой. Спасибо за еду и гостеприимство.
- Не за что, – я встала. – Я благодарна за цветы. Они красивые.

Двое вежливых взрослых, кружащих вокруг мертвого подростка.

– Спасибо, что не хлопнула дверь перед моим лицом, – он остановился в прихожей, а затем наклонился и нежно поцеловал меня в щеку. Щетина скользнула по коже, от него пахло так же, как в ночь нашего знакомства, но без сигаретного дыма из бара. Приятно. Очень приятно.

– Спокойной ночи, – он отстранился и вышел за дверь, споткнувшись на первой ступеньке и схватившись за опору.

– Осторожно. Спокойной ночи, – я придерживала дверь, пока он не спустился до середины лестницы, направляясь к блестящему черному «Мерседесу», припаркованному на моей дорожке. Я закрыла дверь и заперла замок, а потом потянулась и задвинула засов.

Вернувшись в столовую, я взяла наши бокалы и пустую бутылку, затем выключила свет, оставив пазл на другой вечер. Стоя у раковины, я выдавила лавандовое средство для мытья посуды на новую мочалку и вымыла тарелку.

Он был интересным мужчиной. С очень высоким эмоциональным интеллектом. Он мог читать меня так же хорошо, как я его, или даже лучше. Он умело прятал эмоции за обаянием. Мой отец сказал бы, что он держал свои игральные карты близко к груди, и был бы прав. Он был скорбящим мужчиной с тяжелым прошлым, но также... в нем было что-то более глубокое. Я не могла определить, что именно, и это сводило меня с ума.

Может, это было просто примитивное влечение. Мое тело реагировало на его присутствие странным образом, и, когда мы расходились, я поборола желание потянуться за поцелуем.

Я взяла пушистое белое кухонное полотенце и протерла красную керамическую тарелку. Мне также нужно было оценить вероятность того, что мое влечение к Роберту Кевину усилилось, когда я обнаружила его связь с Кровавым Сердцем. А теперь, когда он нанял меня составить психологический портрет, я практически вибрировала от восторга.

На таких возможностях делались карьеры. Если Рэндалл Томпсон был убийцей – а все новости отмечали, что так и есть, – его дело будет изучаться специалистами психологических наук десятилетиями. Его мотивы. Его прошлое. Переход мысли в циклическое действие. Рэндалла Томпсона будут сравнивать с Лонни Франклином-младшим и Джозефом Джеймсом Деанджело, а мне достанется роскошный вид на каждую деталь из первых рядов. Если Роберт добудет мне доступ... к черту цветы и оргазмы. Это огромное событие, и, каким бы невероятным это ни казалось (все шесть дел?), я поверила, когда он сказал, что сможет достать дела.

Самоуверенность, возможности, воспоминания о нашей совместной ночи – спутанных простынях, разгоряченных телах и лихорадочных поцелуях, – из-за всего этого Роберт Кевин застрял у меня в голове. Это фиксация, притом не совсем здоровая.

Он скорбел. Он травмирован. Гейб Кевин умер, как и пятеро других невинных мальчиков. В этом был виноват монстр, и мне не стоило пускать слюни на мысли о его изучении. Я открыла шкафчик и водрузила тарелку поверх остальных.

Шестеро мальчиков умерли, и скоро мне вручат ключи к причине.

Глава 11

На следующий день я проводила клиента, назначенного на четыре тридцать, в приемную, и замерла при виде Роберта Кевина. Высокий адвокат стоял у стола Джейкоба, и я тут же сконцентрировалась на файле у него в руках. Я взглянула на своего клиента, вуайериста, страдавшего от неразрешенных проблем с мамой.

– Увидимся на следующей неделе, Джефф.

Джефф Мавен кивнул, а затем устремился к лестнице.

– Доктор Мур? – Роберт зашагал ко мне уверенной походкой альфа-самца. – У вас найдется свободная минута?

– Конечно, – я открыла тяжелую дверь кабинета и кивнула Джейкобу. – Пожалуйста, придержи мои звонки.

Роберт вошел в кабинет, и я смутно уловила аромат дорогого одеколona. Он остановился, оглядывая помещение.

– Неплохая находка.

– Нам повезло с арендой. Если бы мы подписали договор сегодня, пришлось бы платить в три раза больше, – я села в одно из низких кожаных кресел возле диванчика.

Он заметил стойку с напитками в углу комнаты.

– Ты не против, если я налью себе кофе? – он положил папку с документами на стол.

– Конечно, нет. Кстати... – я наклонилась и подняла свою почти пустую кружку с журнального столика. – Можешь и мне долить?

– Конечно, – он потянулся за чашкой, наши пальцы соприкоснулись. Мы встретились взглядами, и я отпустила керамическую ручку.

Он отвернулся и встал перед кофейником.

– Ты доктор, поэтому я предполагаю, наши разговоры защищены конфиденциальностью клиентов?

Интересный вопрос.

– Ты меня нанимаешь, поэтому да. Но, как ты наверняка знаешь, эта конфиденциальность ограничена.

– О, да, я знаю, – он повернулся ко мне, держа чашки в руках. – Если пациент представляет непосредственную угрозу для себя или других, ты обязана сообщить правоохранительным органам. Верно?

Он очень интересно выстраивал вопросы, словно каждый из них был обвиняющим. Побочный эффект тысяч часов, проведенных в суде или, что не менее вероятно, глубоко укоренившаяся склонность подозревать в людях худшее. Я поборолa желание указать на этот заскок и кивнула.

– Да. Если пациент склонен причинить вред себе или другим, мы должны об этом сообщать.

– У меня есть ощущение, есть брать в расчет твоих клиентов, что ты раньше нарушала это правило, – он сел напротив и поднес чашку к губам.

К чему он вел? Я закинула ногу на ногу, но его взгляд остался прикованным к лицу. Впечатляющая сосредоточенность, особенно при длине юбки. Я редко такие носила, потому что они были близки к грани непрофессионализма, но они являлись козырем, который я разыгрывала, когда мне нужно было протестировать мужчину. Роберт Кевин прошел испытание. Я проигнорировала комментарий и взглянула на папку, оставленную на столе. Она была толстой, красной, и посередине ее перетягивала резинка.

– Что это за вопрос о конфиденциальности? – я положила блокнот на стол и расслабилась в кресле, надеясь, что новый язык тела ослабит напряжение в его плечах.

Этого не произошло. Пожалуй, он только сильнее нахмурился.

– Просто думаю, можно ли тебе доверять.

Я взяла чашку с кофе.

– В моей работе это необходимо. Если клиенты не могут мне верить, они не станут говорить о своих проблемах.

– Они признаются в содеянном?

Я скривилась, раздраженная часто задаваемым мне вопросом.

– Иногда они проговариваются о своих поступках, когда мы говорим о чувстве вины, – я обхватила кружку руками – тепло, исходящее от керамики, меня успокаивало. – Каждый клиент отличается. Для некоторых разговоры помогают исцелиться.

Его челюсть напряглась, и я пристально взгляделась в него, пытаюсь прочесть скрытый за вопросами смысл. От человека его профессии можно ожидать некой уклончивости. Но в тоне слышалось больше, чем простое любопытство. И больше, чем недоверие. В нем присутствовали острые ноты... гнева. Интересно.

Я решила затронуть эту эмоцию:

– К чему все эти расспросы?

В ответ он лишь указал на папку со словами:

– Это дело Гейба. Дай знать, если у тебя возникнут вопросы, – он поправил галстук, не встречаясь со мной взглядом. Увидь я этот знак у другого клиента, посчитала бы признаком неискренности, но здесь читалась боль.

Для него это было важно. Достаточно важно, чтобы протолкаться по дорогам в час пик и лично зайти сюда с хрустящей новой копией дела Гейба. Я встала, направляясь за ним. Стащив резинку, я открыла папку и пробежала ногтем по ряду разноцветных стикеров, разделявших содержимое.

– Скольким психологам ты его давал?

– Мозгоправам? Ни одному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.